

Владимир Соколов
(1928–1997)

Стих как молеенье

Бывают славные сближения. Готовясь к этой публикации, я взялся читать большую книгу избранной лирики Владимира Соколова «Это вечное стихотворение...», бережно составленную поэтом-собратом Ильей Фаликовым. Понемногу шли дни, книга обрастала закладками, из памяти выплывали личные события, связанные с именем и стихами поэта. Наконец, я с волнением пересмотрел на известном видеосервере телезаписи соколовского чтения 1970-х и позвонил его жене, многолетней Музе и наследнице — Марианне Евгеньевне, с которой мы тепло поговорили. Подборка начала складываться, — и я, как всегда, думал о тех, для кого лирика Владимира Николаевича будет открытием, и — о тех, кто знает и читает его издавна.

И вдруг на этих самых днях случилось маленькое чудо. Друг прислал по электронной почте ссылку на архивный сайт «Старое радио», на редкие аудиозаписи выпусков советского радиожурнала для юношества «Невидимка». Я начал прослушивать с 1946 года и неожиданно раздалось: «...А теперь попросим Володю Соколова почитать нам свои стихи...» И зазвучал энергичный юношеский голос:

*Вновь распахнулись просторы тверские
Передо мной. Зеленеют луга.
Да, по дороге в края дорожие
Долго моя не ступала нога...*

Это был именно он — будущий Владимир Соколов, драгоценный «тихий» лирик послевоенной эпохи, сокровенный поэт, о котором его ровесник и критик Вадим Кожин еще напишет: «Поэзия Владимира Соколова предельно современна в каждый момент ее развития, хотя этого не видят, не могут увидеть те, кто не понимает сложного языка поэзии... Поэт видит полноту жизни — в том числе и единство прошлого и будущего — в сегодняшнем дне».

...Сейчас, когда я слушаю этого звонкого восемнадцатилетнего юношу, до его самой первой публикации еще два года, до гениальных горьких стихов о двадцатом столетии и «правах человека» — сорок с лишним лет (он написал их в дни землетрясения в Армении и карабахских событий). Впереди — судьба большого поэта, негромкая и полная достоинства земная жизнь, которая уже приняла в себя ростки его будущей — вечной жизни. **Ф.**

Заместитель главного редактора
журнала «Новый мир» **Павел Крючков**
Рисунки **Нatalьи Романенко**

* * *

Как я хочу, чтоб строчки эти
Забыли, что они слова,
А стали: небо, крыши, ветер,
Сырых бульваров дерева!

Чтоб из распахнутой страницы,
Как из открытого окна,
Раздался свист, запели птицы,
Дохнула жизни глубина.

1948

* * *

Всё время чувствую вину.
Одну.
Потом еще одну.

Когда судьба и не судьба.
Когда не рано и не поздно.
Вину тирана и раба.
Вину больных и вши тифозной.

Всё время чувствую вину.
Как будто я разжёл войну,
А не она меня палила.
Всё время чувствую вину.
Бессилье это или сила,
Когда и малую твою
Я ощущаю

как свою.

1969

* * *

Что-нибудь о России?
Стройках и молотбе?..
Всё у меня о России,
Даже когда о себе.

Я среди зелени сада
И среди засухи рос.
Мне непонятна отрада
Ваших бумажных берёз.

Видел я, как выбивалась
Волга из малых болот.
Слышал, как песня певалась
И собиралась в поход.

Что-нибудь о России,
Стройках и молотбе?..
Всё у меня о России,
Даже когда о тебе.

1978

* * *

Дай мне Бог побольше жизни,
Даже за мои грехи,
Приносившие кому-то
Радости, а мне — стихи...

* * *

Валентину Никулину

Переулок накрахмален,
Отутюжен и звенит.
Все в снегу. И так печален
Замерзающий зенит.

Дай мне Бог побольше снега,
Одиночества и сил,
Чтоб воздушным поцелуем
Холод губы не сводил.

Чтоб тенью ветер сыпал,
Где я сердцем замирал.
И подольше мне и липам
Щеки снегом оттирал.

1987

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек.

Я давно уже ангел, наверно.
Потому что, печалью томим,
Не прошу, чтоб меня легковерно
От земли, что так выглядит скверно,
Шестикрылый унёс серафим.

1988

* * *

Когда цепенел я и маялись кости,
Желая отмаяться хоть на погосте,

Взглянул я глазами в пустые глазницы:
Сквозь ночь проходили там звёзд вереницы —

И встретился взглядом я с тою звездою,
Что медленней всех говорила со мною.

Я сразу узнал её между другими,
И страшно мне было назвать её имя.

Сказал я: пора уже, Господи-Боже!
Пусти меня выше, чем тесное ложе.

Уже я сказать ничего не умею.
Пусти меня выше, чем то, что имею.
Я там еще молод!

И небо, и сушу
Просил я домой отпустить мою душу.

И Бог даровал мне продление жизни,
И стих как моление, и грусть по отчизне.

1989